

Михаил Николаевич Загоскин

Нежданные гости

Рассказ Антона Федоровича Кольчугина об одном случае, произошедшем с его покойным батюшкой.

Как-то раз пожаловали к нему гости — три донских казака и приказчик. Выглядели они безобразно, говорили странные речи, но хозяин не примечал этого, только пил с ними. Однако позднее он стал понимать, что здесь что-то не так...

М. Загоскин
Нежданные гости

Отец мой был человек старого века, — начал так Антон Федорович Кольчугин, — хотя, благодаря, во-первых, Бога, а во-вторых, родителей, достаток у него был дворянский, и он мог бы жить не хуже своих соседей, то есть — выстроить хоромы саженьях на пятнадцать, завести псовую охоту, роговую музыку, оранжереи и всякие другие барские затеи; но он во всю жизнь ни разу и не подумал об этом; жил себе в маленьком домике, держал не больше десяти слуг, охотился иногда с ястребами и под веселый час так-то, бывало, тешится, слушая Ваньку-гуслиста, который — не тем будь помянут, — попивал, а лихо, разбойник, играл на гусях; бывало, как хватит «Заря утрення взошла» или «На бережку у ставка» — так заслушаешься!

Но если батюшка мой не щеголял ни домом, ни услугою, то зато крепко держался половицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами». И в старину, чай, такие хлебосолы бывали в диковинку! Дом покойного батюшки выстроен был на самой большой дороге; вот, если кто-нибудь днем или вечером остановится кормить на селе, то и бегут ему ска-

зять; и коли приезжие хоть мало-мальски не совсем простые люди, дворяне, купцы или даже мещане, так милости просим на барский двор; закобенились — так околицу на запор, и хоть себе голосом вой, а ни на одном дворе ни клока сена, ни зерна овса не продадут. Что и говорить; любил пображничать покойник! Бывало, как залучит к себе гостей, так пойдет такая попойка, что лишь только держись: море разливанное; чего хочешь, того просишь. Всяких чужеземных напитков сортов до десяти в подвале не переводилось, а уж об наливках и говорить нечего!

Однажды зимою, ровно через шесть месяцев после кончины моей матушки, сидел он один-одинехонек в своем любимом покое с лежанкою. Меня с ним не было: я уж третий год был на службе царской и дрался в то время со шведами. Дело шло к ночи; на дворе была метелица, холод страшный, и часу в десятом так заколодило, что от мороза все стены в доме трещали. В такую погоду гостей не дождешься. Что делать? Покойный батюшка, чтоб провести время до ужина, — а он никогда не изволил ужинать прежде одиннадца-

того часу, — принялся за Четьи-Минею[1]. Развернул наудачу и попал на житие преподобного Исакия, затворника печерского. Когда он дочел до того места, где сказано, что бесы, явившись к святому угоднику под видом ангелов, обманули его и, восклицая: «Наш еси, Исакий!», заставили его насильно плясать вместе с собою, то покойный батюшка почувствовал в душе своей сомнение, соблазнился и, закрыв книгу, начал умствовать и рассуждать с самим собою. Но чем более он думал, тем более казалось ему невероподобным таковое поупущение Божие.

Вот в самое-то его раздумье нашла на него дремота, глаза стали слипаться, голова отяжелела, и он мне сказывал, что не помнит сам, как прилег на канаве и заснул крепким сном. Вдруг в ушах у него что-то зазвенело, он очнулся, слышит — бьют часы в его спальне ровно десять часов. Лишь только он было приподнялся, чтоб велеть подавать себе ужинать, как вошел в комнату любимый его слуга Андрей и поставил на стол две зажженные свечи.

— Что ты, братец? — спросил батюшка.

— Пришел, сударь, доложить вам, — отвечал слуга, — что на селе остановились приказный из города да козаки, которые едут с Дону.

— Ну так что ж? — перервал батюшка. — Беги скорей на село, проси их ко мне, да не слушай никаких отговорок.

— Я уж их звал, сударь, и они сейчас будут, — пробормотал сквозь зубы Андрей.

— Так скажи, чтоб прибавили что-нибудь к ужину, — продолжал батюшка, — и вели принести из подвала штоф запеканки, две бутылки вишневки, две рябиновки и полдюжины виноградного. Ступай!

Слуга отправился. Минут через пять вошли в комнату три козака и один пожилой человек в долгополом сюртуке.

— Милости просим, дорогие гости! — сказал батюшка, идя к ним навстречу.

Зная, что набожные козаки всегда помолятся прежде святым иконам, а потом уж кланяются хозяину, он промолвил, указывая на образ Спасителя, который трудно было рассмотреть в темном углу: «Вот здесь!» — но, к удивлению его, козаки не только не перекре-

стились, но даже и не поглядели на образ. Приказный сделал то же самое. «Не фигура, — подумал батюшка, — что это крапивное семя не знает Бога; но ведь козаки — народ благочестивый!.. Видно, они с дороги-то вовсе ошалели!» Меж тем неожиданные гости раскланялись с хозяином; козаки очень вежливо поблагодарили его за гостеприимство, а приказной, сгибаясь перед ним в кольцо, отпустил такую рацею, что покойный батюшка, хотя был человек речистый и за словом в карман не ходил, а вовсе стал в тупик и вместо ответа на его кудрявое приветствие закричал: «Гей, малый! Запеканки!»

Вошел опять Андрей, поставил на стол тарелку закуски, штоф водки и дедовские серебряные чары по доброму стакану.

— Ну-ка, любезные! — сказал батюшка, наливая их вровень с краями. — Поотогрейте свои душеньки; чай, вы порядком надроглись. Прошу покорно! Гости чин-чином поклонились хозяину, выпили по чарке, хватили по другой, хлебнули по третьей; глядь-поглядь, ан в штофе хоть прогуливайся — ни капельки! «Ай да питу'хи! — подумал батюш-

ка. — Ну!!! нечего сказать, молодцы! Да и рожи-то у них какие!»

В самом деле, нельзя было назвать этих нечаянных гостей красавцами. У одного козака голова была больше туловища; у другого толстое брюхо почти волочилось по земле; у третьего волосы рыжие, а щеки как раскаленные кирпичи, когда их обжигают на заводе. Но всех курioзнее показался ему приказный в долгополом сюртуке; такой исковерканной и срамной рожи он сродясь не видывал! Его лысая и круглая, как бильярдный шар, голова втиснута была промежду двух узких плеч, из которых одно было выше другого; широкий подбородок, как набитый пухом ошейник, обхватывал нижнюю часть его лица; давно не бритая борода торчала щетиною вокруг синеватых губ, которые чуть-чуть не сходились на затылке; толстый вздернутый кверху нос был так красен, что в потемках можно было принять его за головню; а маленькие, прищуренные глаза вертелись и сверкали, как глаза дикой кошки, когда она подкрадывается ночью к какому-нибудь зверьку или к сонной пташечке. Он беспре-

станно ухмылялся, «но эта улыбка, — говаривал не раз покойный мой батюшка, — ни дать ни взять походила на то, как собака оскаливает зубы, когда увидит чужого или захочет у другой собаки отнять кость».

Вот как гости, опорожнив штоф запеканки, остались без дела, то батюшка, желая занять их чем-нибудь до ужина, начал с ними разговаривать.

— Ну что, приятели, — спросил он козачков, — что у вас на Дону поделывается?

— Да ничего! — отвечал козак с толстым брюхом. — Все по-прежнему: пьем, гуляем, веселимся, песенки попеваем.

— Попевайте, любезные, — продолжал батюшка, — попевайте, только Бога не забывайте!

Козаки захохотали, а приказный оскалил зубы, как голодный волк, и сказал:

— Что об этом говорить, сударь! Ведь это круговая порука: мы Его не помним, так пускай и Он нас забудет; было бы винцо да денежки, а все остальное трень-трава!

Батюшка нахмурился; он любил пожить, попить, пображничать; но был человек благо-

честивый и Бога помнил. Помолчав несколько времени, батюшка спросил подьячего, из какого он суда.

— Из уголовной палаты, сударь, — отвечал с низким поклоном приказный.

— Ну что поделывает ваш председатель? — продолжал батюшка. А надобно вам сказать, господа, что этот председатель уголовной палаты был сущий разбойник.

— Что поделывает? — повторил приказный. — Да то же, что и прежде, сударь: служит верой и правдою...

— Да, да! Верой и правдою! — подхватили в один голос все козаки.

— А разве вы его знаете? — спросил батюшка.

— Как же! — отвечал козак с совиным носом. — Мы все его приятели и ждем не дождемся радости, когда его высокородие к нам в гости пожалует.

— Да разве он хотел у вас побывать?

— И не хочет, да будет, — перервал козак с большой головою. — Не так ли, товарищи?

Все гости опять засмеялись, а подьячий, прищулив свои кошачьи глаза, прибавил с

лукавой усмешкою:

— Конечно, приехать-то приедет, а нечего сказать, тяжел на подъем! месяц тому назад совсем было уж в повозку садился, да разду-мал.

— Как так? — вскричал батюшка.

— Да месяц тому назад он при смерти был болен.

— Вот то-то и есть, сударь! По этому-то самому резонту он было совсем и собрался в до-рогу.

— А, понимаю! — прервал батюшка. — Вер-но, доктора советовали ему ехать туда, где по-теплее?

— Разумеется! — подхватили с громким хо-хотом козаки. — Ведь у нас за теплом дело не станет: грейся, сколь хочешь.

Этот беспрестанный и беспутный хохот го-стей, их отвратительные хари, а пуще всего двусмысленные речи, в которых было что-то нечистое и лукавое, весьма не понравились батюшке; но делать было нечего: зазвал го-стей, так угощай! Желая как можно скорее от-вязаться от таких собеседников, он закричал, чтоб подавали ужинать. Не прошло получаса,

как стол уже был накрыт, кушанье поставлено и бутылки с наливкою и виноградным вином внесены в комнату; а все хлопотал и суетился один Андрей. Несколько раз батюшка хотел спросить его, куда подевались другие люди; но всякий раз, как нарочно, кто-нибудь из гостей развлекал его своими разговорами, которые час от часу становились забавнее. Козаки рассказывали ему про свое удальство и молодечество, а приказный про плутни своих товарищей и казусные дела уголовной палаты. Мало-помалу они успели так занять батюшку, что он, садясь с ними за стол, позабыл даже помолиться Богу. За ужином батюшка ничего не кушал; но, не желая отставать от гостей, он выпил четыре бутылки вина и две бутылки наливки — это еще не диковинка: покойный мой батюшка пить был здоров и от полдюжины бутылок не свалился бы со стула! Да только вот что было чудно: казалось, гости пили вдвое против него, а из приготовленных шести бутылок вина и четырех наливки только шесть стояло пустых на столе, то есть именно то самое число бутылок, которое выпил один покойник батюшка; он видел, что

гости наливали себе полные стаканы, а бутылка всегда доходила до него почти непочатая. Кажется, было чему подивиться; и он точно этому удивлялся — только на другой день, а за ужином все это казалось ему весьма обыкновенным. Я уже вам докладывал, что мой батюшка здоров был пить; но четыре бутылки сантуринского и почти штоф крепкой наливки хоть кого подрумянят. Вот к концу ужина он так распотешился, что даже безобразные лица гостей стали казаться ему милыми, и он раза два принимался обнимать приказного и перецеловал всех казаков.

Час от часу речи их становились беспутнее и наглее; они рассказывали про разные любовные похождения, подшучивали над духовными людьми и даже — страшно вымолвить! — забыв, что они сидят за столом, как сущие еретики и богоотступники, принялись попевать срамные песни, и приплясывать, сидя на своих стульях. Во всякое другое время батюшка не потерпел бы такого бесчинства в своем доме; а тут, словно обмороченный, начал сам им подлаживать, затянул: *удалая голова, не ходи мимо сада*, и вошел в такой за-

дор, что хоть сей час вприсядку.

Меж тем козаки, наскучив орать во все горло, принялись делать разные штуки: один заговорил брюхом, другой проглотил большое блюдо с хлебным, а третий ухватил себя за нос, сорвал голову с плеч и начал ею крутить, как мячиком. Что ж вы думаете, батюшка испугался? Нет! все это казалось ему очень забавным, и он так и валялся со смеху.

— Эге! — вскричал подьячий. — Да вон там на последнем окне стоит никак запасная бутылочка с наливкою; нельзя ли ее прикомандировать сюда? Да не вставай, хозяин; я и так ее достану, — примолвил он, вытягивая руку через всю комнату.

— Ого! какая у тебя ручища-то, приятель! — закричал с громким хохотом батюшка. — Аршин в пять! Недаром же говорят, что у приказных руки длинные...

— Да зато память коротка, — перервал один из козаков.

— А вот увидите! — продолжал подьячий, поставив бутылку посреди стола. — Небось вы забыли, чье надо пить здоровье, а я так помню; начнем с младших! Ну-ка, братцы,

хватим по чарке за всех приказных пройдох, за канцелярских мо'лодцев, за удалых подьячих с приписью! Чтоб им весь век чернила пить, а бумагой закусывать; чтоб они почаще умирали да пореже каялись!

— Что ты, что ты? — проговорил батюшка, задыхаясь со смеху. — Да этак у нас все суды опустеют.

— И, хозяин, о чем хлопчешь! — продолжал приказный, наливая стаканы. — Было бы только болото, а черти заведутся. Ну-ка, за мной — ура!

— Выпили? — закричал козак с крючковым носом. — Так хлебнем же теперь по одной за здоровье нашего старшого. Кто станет с нами пить, тот наш; а кто наш, тот его!

— А как зовут вашего старшину? — спросил батюшка, принимаясь за стакан.

— Что тебе до его имени! — сказал козак с большой головою. — Говори только за нами: да здравствует тот, кто из рабов хотел сделаться господином и хоть сидел высоко, а упал глубоко, да не тужит.

— Но кто же он такой?

— Кто наш отец и командир? — продолжал

козак. — Мало ли что о нем толкуют? Говорят, что он любит мрак и называет его светом; так что ж? Для умного человека и потемки свет. Рассказывают также, будто бы он жалуется Содом, Гомор и всякую беспорядицу для того, дескать, чтоб в мутной воде рыбку ловить; да это все бабьи сплетни. Наш господин — барин предобрый; ему служить легко: садись за стол не крестясь, ложись спать не помолясь; пей, веселись, забавляйся, да не верь тому, что печатают под титлами — вот и вся служба. Ну что? ведь не житье, а масленица, — не правда ли?

Как ни был хмелен батюшка, однако ж призадумался.

— Я что-то в толк не беру, — сказал он.

— А вот как выпьешь, так поймешь, — перервал подьячий. — Ну братцы, разом! Да здравствует наш отец и командир!

Все гости, кроме батюшки, осушили свои стаканы.

— Ба, ба, ба! хозяин! — закричал подьячий. — Да что ж ты не пьешь?

— Нет, любезный! — отвечал батюшка. — Я и так уж пил довольно. Не хочу!

— Да что с тобой сделалось? — спросил толстый козак. — О чем ты задумался? Эй, товарищи! надо развеселить хозяина. Не поплясать ли нам?

— А что, в самом деле! — подхватил приказный. — Мы посидели довольно, — не худо промяться, а то ведь этак, пожалуй, и ноги за текут.

— Плясать так плясать! — закричали все гости.

— Так постойте же, любезные! — сказал батюшка, вставая. — Я велю позвать моего гуслиста.

— Зачем? — перервал подъячий. — У нас и своя музыка найдется. Гей, вы — начинай!

Вдруг за печкою поднялась ужасная возня, запищали гудки, рожки и всякие другие инструменты; загремели бубны и тарелки; потом слышались человеческие голоса; целый хор песельников засвистал, загаркал, да как хватит плясовую — и пошла потеха!

— Ну-ка, хозяин, — проговорил козак с красноватым носом, уставив на батюшку свои зеленые глаза, — посмотрим твоей удали!

— Нет! — сказал батюшка, начиная понимать как будто бы сквозь сон, что дело становится неладно. — Забавляйтесь себе сколько угодно, а я плясать не стану.

— Не станешь? — заревел толстый козак. — А вот увидим!

Все гости вскочили с своих мест.

Покойного батюшку начала бить лихорадка, — да и было от чего: вместо четырех, хотя и не красивых, но обыкновенных людей стояли вокруг него четыре пугала такого огромного роста, что когда они вытягивались, то от их голов трещал потолок в комнате. Лица их не переменились, но только сделались еще безобразнее.

— Не станешь! — повторил, ухмыляясь насмешливо, подьячий. — Полно ломаться-то, приятель! И почище тебя с нами сплясывали, да еще посторонние; а ведь ты наш.

— Как ваш? — сказал батюшка.

— А чей же? Ты человек грамотный, так, верно, читал, что двум господам служить не можно; а ведь ты служишь нашему.

— Да о каком ты говоришь господине? — спросил батюшка, дрожа как осиновый лист.

— О каком? — перервал большеголовый козак. — Вестимо, о том, о котором я тебе говорил за ужином. Ну вот тот, которого слуги ложатся спать не молясь, садятся за стол не перекрестясь, пьют, веселятся да не верят тому, что печатают под титлами.

— Да что ж он мне за господин? — промолвил батюшка, все еще не понимая порядком, о чем идет дело.

— Эге, приятель! — подхватил подъячий. — Да ты никак стал отнекиваться и чинить заперительство? Нет, любезнейший, от нас не отвертишься! Коли ты исполняешь волю нашего господина, так как же ты ему не слуга? А вспомни-ка хорошенько: молился ли ты сегодня, когда прилег соснуть? Перекрестился ли, садясь ужинать? Не пил ли ты, не веселился ли с нами вдоволь? А часа полтора тому назад, когда ты прочел вон в этой книге слово: «Наш еси, Исакий, да воспляшет с нами!» Что? разве ты этому поверил?

Вся кровь застыла в жилах у батюшки. Вдруг как будто бы сняли с глаз его повязку, хмель соскочил, и все сделалось для него ясным. — Господи Боже мой!.. — проговорил он,

стараясь оградить себя крестным знамением, да не тут-то было! Рука не подымалась, пальцы не складывались, но зато уж ноги так пошли писать! Сначала он один отхватывал голубца с вывертами да вычурами такими, что и сказать нельзя; а там гости подцепили его, да и ну над ним потешаться. Покойник, рассказывая мне об этом, всегда дивился, как у него душа в теле осталась. Он помнил только одно, как комната наполнилась дымом и огнем, как его перебрасывали из рук в руки, играли им в свайку, спускали как волчок, как он кувыркался по воздуху, бился о потолок, вертелся юлою на маковке и как наконец, протанцевав на голове козачка, он совсем обеспамятел.

Когда батюшка очнулся, то увидел, что лежит на канапе и что вокруг его стоят и суетятся его слуги.

— Ну что? — прошептал он торопливо и поглядывая вокруг себя, как полоумный. — Ушли ли они?

— Кто, сударь? — спросил один из лакеев.

— Кто! — повторил батюшка с невольным содроганием. — Кто!.. Ну вот эти козаки и

приказный...

— Какие, сударь, козаки и приказный? — перервал буфетчик Фома. — Да сегодня никаких гостей не было, и вы не изволили ужинать. Уж я дожидался, дожидался; и как вошел к вам в комнату, так увидел, что вы лежите на полу, все в поту, изорванные, растрепанные и такие бледные, как будто бы, — не при вас будь слово сказано, — коверкала вас какая-нибудь черная немочь.

— Так у меня сегодня гостей не было? — сказал батюшка, приподымаясь с трудом на ноги. — Не было, сударь. — Да неужели я видел все это во сне?.. Да нет! быть не может! — продолжал батюшка, охая и похватывая себя за бока. — А кости-то почему у меня все так перемяты?.. А эти две свечи?.. Кто их на стол поставил?

— Не знаю, — отвечал буфетчик, — видно, вы сами изволили их зажечь, да не помните спросонья.

— Ты врешь! — закричал батюшка. — Я помню, их принес Андрей; он и на стол накрывал и кушанье подавал.

Все люди посмотрели друг на друга с при-

метным ужасом. Ванька-гуслист хотел было что-то сказать, но заикнулся и не выговорил ни слова.

— Ну что ж вы, дурачье, рты-то разинули? — продолжал батюшка. — Говорят вам, что у меня были гости и что Андрей служил им за столом.

— Помилуйте, сударь! — сказал буфетчик Фома. — Иль вы изволили забыть, что Андрей около недели лежит больной в горячке.

— Так, видно, ему сделалось лучше. Он ровно в десять часов был здесь. Да что тут толковать! Позовите ко мне Андрея! Где он?

— Вы изволите спрашивать, где Андрей? — проговорил наконец Ванька-гуслист.

— Ну да! где он? — В избе, сударь; лежит на столе.

— Что ты говоришь? — вскричал батюшка.

— Андрей Степанов?..

— Приказал вам долго жить, — перервал дворецкий, входя в комнату.

— Он умер!..

— Да, сударь. Ровно в десять часов.

* * *

Кольчугин замолчал.

— Ну подлинно диковинный случай! — сказал Алексей Иванович Асанов, — и если твой отец не любил красного словца прибавить...

— Терпеть не мог, батюшка! Он во всем уезде слыл таким правдухою, что псовые охотники не смели при нем о своих отъезжих полях и борзых собаках словечка вымолвить.

— Да что ж тут странного? — прервал приятель мой Заруцкий, — ваш батюшка заспался, не помнил, что зажег две свечи и видел просто во сне то, что за несколько минут читал наяву.

— Так, сударь, так! — продолжал Кольчугин. — Да только вот что: спустя несколько времени узнали, что действительно в эту самую ночь три казака с Дону и приказный из города проезжали через село, только нигде не останавливались; и в том же году, когда стали проверять бутылки в погребе, так четырех бутылок виноградного вина и двух бутылок наливки нигде не оказалось.

— Да! это довольно странное стечение обстоятельств, — сказал исправник.

— И все этому дивились, батюшка! — про-

молвил Кольчугин.

— То есть проезду казаков и подьячего, — прервал Заруцкий, — а что в погребе не нашлось нескольких бутылок, так это доказывает только одно, что ключник покойного вашего батюшки любил отведать барского винца и наливки, и при сем удобном случае свалил всю беду на безответного черта.

— Вот о чем хлопочет! — сказал Черемухин, взглянув исподлобья на моего приятеля, — ты настоящий Фома неверный. Да что тут удивительного? Такие ли бывают случаи в жизни?..

Примечания

Сборники житий святых, составленные в соответствии с днями чествования церковной памяти каждого из них по месяцам.

[^^^]